

живания вреда, причиненного преступлением¹.

Сложно представить, каким образом фальсификатор может выполнить условие по возмещению ущерба или заглаживанию вреда. Специфичность объекта, на которые посягает фальсификация доказательств, и результатов оперативно-разыскной деятельности сама по себе не позволяет это сделать, ведь зачастую наступившие последствия выражены в незаконных решениях уполномоченных лиц в рамках того или иного производства, на отмену которых

преступник уже повлиять не сможет, даже если ранее он сам обладал этими полномочиями. При рассмотрении возмещения ущерба, который был причинен правам и законным интересам участников уголовного судопроизводства в частности, условие может быть выполнено через компенсацию морального вреда, но достаточность и полнота устранения вреда нанесенного преступлением всем охраняемым уголовным законом правоотношениям в рамках чч. 1-2, ч. 4 ст. 303 УК РФ остается под вопросом.

Лобач Д.В.,

кандидат юридических наук

Дальневосточный юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации
(г. Владивосток)

**УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ДИВЕРСИОННУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ:
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ КРИМИНАЛИЗАЦИИ И ПЕНАЛИЗАЦИИ**

В условиях проведения специальной военной операции на территории Украины в целях обеспечения государственной безопасности российский законодатель принял необходимое решение по расширению охранительного потенциала уголовного законодательства Российской Федерации, в связи с чем Федеральным законом от 29 декабря 2022 г. № 586-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» были криминализованы новые общественно опасные деяния, связанные с диверсионной деятельностью. Так, Уголовный кодекс Российской Федерации был дополнен новыми нормами, предусматривающими ответственность за содействие диверсионной деятельности (ст. 281¹ УК РФ), прохождение обучения в целях осуществления диверсионной деятельности (ст. 281² УК РФ), организацию диверсионного сообщества и участие в нем (ст. 281³ УК РФ). Таким образом, российский законодатель, так же как в случае с противодействием терроризму, пошел по пути расширения правоохранительных воз-

можностей уголовного закона через криминализацию предшествующих по отношению к диверсии деяний. Не оспаривая правильность данного подхода (хотя для этого имеются достаточные сомнения, которые неоднократно озвучивались в академической среде²), в то же время следует, наверное, согласиться с тем, что общественная опасность диверсии и террористического акта законодателем оценивается в равной мере, так как за оба преступления предусмотрены схожие наказания в виде лишения свободы на срок от 10 до 15 лет. С позиции последовательности уголовно-правовой политики и эффективности уголовного законодательства возник политический диссонанс, заключаемый в повышенном внимании к противодействию терроризма, с одной стороны, и недостаточном отношении к противодействию диверсиям, с другой. Вместе с тем новые нормы о диверсионной деятельности вызывают нарекания с позиции соблюдения правил юридической техники и общих требований пенализации, что снижает их правоохранительный потенциал и может создавать сложности в правоприменении.

¹ Скрипченко Н.Ю. Судебный штраф: проблемы реализации законодательных новелл // Журнал российского права. 2017. № 7. С. 106.

² Рарог А.И. Уголовный кодекс России против терроризма // Lex russica. 2017. № 4. С. 155-178.

менительной практике. Не претендуя на широкое освещение различного рода юридико-технических дефектов, хотелось бы остановиться на наиболее очевидных и спорных моментах, связанных как с особенностями конструирования уголовно-правовых норм, так и с некоторыми аспектами пенализации.

Во-первых, законодатель вводит новое понятие «диверсионная деятельность», которое, однако, не раскрывается ни в самом Уголовном кодексе РФ, ни в специальных законах, направленных на противодействие диверсионной деятельности. В отличие от противодействия террористической деятельности, регламентированной Федеральным законом от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 26 мая 2021 г.) «О противодействии терроризму», на сегодняшний день нет закона, регулирующего правоохранительные отношения, связанные с противодействием диверсионной деятельности. Учитывая отсылочный характер уголовно-правовых норм о диверсионной деятельности (ст. 281.1 и 281.2 УК РФ) к ч. 1 ст. 281 УК РФ, закрепляющей легальную дефиницию диверсии, при буквальном их толковании можно прийти к выводу об отождествлении диверсии и диверсионной деятельности. Как и в отношении террористической деятельности, российский законодатель в нарушении принципа унификации понятийно-категориального аппарата использует разные понятия, характеризующие одно и то же явление правовой действительности. Вместе с тем ситуация осложняется еще и тем, что отождествление диверсии и диверсионной деятельности становится невозможным применительно к норме ст. 281.3 УК РФ, устанавливающей ответственность за создание диверсионного сообщества в целях осуществления не только диверсионной деятельности, но и подготовки или совершения самой диверсии. Таким образом, в одном случае усматривается отождествление диверсии и диверсионной деятельности (ст. 281.1 и 281.2 УК РФ), а в другом наблюдается разграничение указанных понятий (ст. 281.3 УК РФ).

Если анализировать уголовно-правовую норму ст. 281.3 УК РФ с позиции единообразия используемых в уголовном законодательстве понятий, то не в меньшей степени актуализируется вопрос о понятии дивер-

сионного сообщества, которое раскрывается через устойчивую группу. В действующем уголовном законодательстве отсутствует такая форма соучастия, как устойчивая группа. Известно, что устойчивость группы выступает одним из признаков организованной группы. Однако диверсионное сообщество (кстати говоря, и террористическое сообщество тоже) раскрывается не через организованную группу, а через ее отдельный признак. Напротив, экстремистское сообщество уже определяется как организованная группа. Возникает закономерный вопрос: можем ли мы устойчивую группу рассматривать как организованную группу для раскрытия содержания диверсионного сообщества? Представляется, что да, поскольку признак устойчивости, присущий организованной группе, используемый для определения диверсионного и террористического сообщества, не искажает их юридический смысл, хотя и демонстрирует отход от единообразия используемых при конструировании уголовно-правовых норм понятий.

Во-вторых, вызывает непонимание тот факт, что за отдельные преступления, связанные с диверсионной деятельностью, предусмотрены санкции в виде лишения свободы, которые не отражают характер общественной опасности таких преступлений. Например, если диверсия наказывается лишением свободы на срок от 10 до 15 лет, то пособничество в совершении диверсии наказывается лишением свободы на срок от 10 до 20 лет. Если исходить из верхнего предела санкции пособничества в совершении диверсии, то возникает уникальная ситуация, при которой, например, умышленное содействие совершению диверсии советами, указаниями, предоставлением информации может наказываться более сурово, чем сама диверсия. Еще более непонятной выглядит ситуация с наказанием за прохождение обучения в целях осуществления диверсионной деятельности. Санкция ст. 281.2 УК РФ предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от 15 до 20 лет с ограничением свободы на срок от 1 года до 2 лет или пожизненным лишением свободы. Таким образом, усматривается и вовсе парадоксальная ситуация – диверсия наказывается намного более мягче, чем прохождение обучения в целях совершения диверсии, что свидетельствует о неправиль-

ной законодательной оценке общественной опасности самой диверсии в сравнении с общественной опасностью обучения в целях совершения этого преступления.

Не меньшее удивление вызывает и то, что в санкциях некоторых норм, устанавливающих уголовную ответственность за различные деяния, связанные с диверсионной деятельностью (ч. 3 ст. 281 УК РФ, ч. 1, 2 и 4 ст. 281.1 УК РФ, ст. 281.2 УК РФ, ч. 1 ст. 281.3 УК РФ), предусмотрено также наказание в виде пожизненного лишения свободы. Выбранный законодателем подход в пенализации указанных преступлений нарушает системность взаимодействия норм Общей и Особенной частей УК РФ. В соответствии со ст. 57 УК РФ пожизненное лишение свободы может устанавливаться только в отношении особо тяжких преступлений, посягающих на жизнь, здоровье населения, общественную нравственность, общественную безопасность, а также полную неприкосновенность несовершеннолетних. Нормы о преступлениях, связанных с диверсионной деятельностью, размещены в главе 29 десятого раздела УК РФ, то есть родовым объектом выступает государственная власть, а видовым – безопасность государства. Следовательно, законодатель не должен был устанавливать данный вид наказания в отношении преступлений, связанных с диверсионной деятельностью¹.

В-третьих, как уже было сказано выше, уголовно-правовая политика в сфере обеспечения государственной безопасности посредством криминализации общественно опасных деяний, связанных с диверсионной деятельностью, во многом повторяет законодательный подход в отношении борьбы с терроризмом. В частности, так же, как и с терроризмом, были криминализованы содействие диверсионной деятельности, прохождение обучения в целях осуществления диверсионной деятельности, а также организация диверсионного сообщества и участие в нем. Однако законодатель посчитал нецелесообразным криминализировать публичные призывы, публичное оправдание и пропаганду диверсионной деятельности,

хотя при этом норма о диверсионном сообществе содержит указание на совершение иных преступлений в целях пропаганды и оправдания диверсии.

В-четвертых, едва ли можно признать удачным законодательный подход в конструировании квалифицированных составов преступления диверсии. Прежде всего, вызывает высказанные уже неоднократно в академической среде сомнения в правильности установления такого квалифицирующего признака, как совершение деяний, предусмотренного соответствующей статьей УК РФ, если они повлекли умышленное причинение смерти человеку. Как и в отношении террористического акта, такой же квалифицирующий признак был установлен и для диверсии (ч. 3 ст. 281 УК РФ). Едва ли такой подход следует признать правильным, так как человеческая жизнь отходит на второй план, искусственно становясь дополнительным объектом². Справедливым в этой связи представляется критическое замечание, высказанное в научной литературе, о том, что деяние, повлекшее смерть человека, должно быть квалифицировано как убийство. Не без интереса будет отметить, что, в отличие от нормы, предусматривающей повышенную ответственность за террористический акт, повлекший по неосторожности смерть человека, применительно к диверсии такой квалифицирующий признак уже не используется.

В заключение следует отметить, что дополнительная криминализация деяний, составляющих диверсионную деятельность, обусловлена объективными процессами, связанными с необходимостью обеспечения государственной безопасности. В свою очередь, подобного рода криминализация в отношении диверсии во многом основывается на практике криминализации общественно опасных деяний, связанных с террористической деятельностью. Анализ некоторых проблемных моментов, связанных с нарушением прав юридической техники и игнорированием требований пенализации, свидетельствует о возможном снижении правоохранительного потенциала уголовного закона.

¹ Уголовно-правовое воздействие: монография / под ред. А.И. Рарога. М.: Проспект, 2012. 288 с.

² Егорова Н. Совокупность убийства с другими преступлениями: перспективы законодательства и правоприменительной практики // Уголовное право. 2014. № 5. С. 48.